

КОНСТАНТИН ХАЙТ
ЭЛЬДОРАДО
ПЕДРО ДЕ ВАЛЬДЕРРАМЫ

Константин Хайт Эльдорадо Педро де Вальдеррамы

<https://litres.ru/73872413>

ISBN 9785006982390

Аннотация

Двести конкистадоров уходят вглубь неизведанных земель в поисках легендарного Эльдорадо — страны золота, о которой ходят лишь слухи. Среди них Педро де Вальдеррама, ветеран с тяжёлым прошлым и долгами, которые можно оплатить только добычей. Но джунгли хранят не только сокровища: каждый шаг вперед превращается в испытание, где золото может оказаться не наградой, а проклятием.

Содержание

1. На пороге чести и золота	5
Тяжёлое солнце Кито	5
Пьяницы и легенды	11
Человек в камзоле	16
Карта и решение	21
Перед рассветом	25
Падре де Эскобедо	33
Первый перевал	39
Страх и надежда	49
2. Камни в тумане	54
Тропа	54
Слабых не ждут	65
Порванная верёвка	70
Капитан Гонсало де Рохас	77
Хинное дерево	79
Дорога джунглей	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Эльдорадо Педро де Вальдеррамы

Константин Хайт

© Константин Хайт, 2026

ISBN 978-5-0069-8239-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. На пороге чести и золота

Тяжёлое солнце Кито

Педро де Вальдеррама медленно шёл по рынку, держа спину нарочито прямо. Солнце било в глаза. Запах жареного мяса смешивался с вонью мулов и пыли. Торговцы кричали, перебивая друг друга.

Женщины в широких юбках толкались у лавок с тканями. Педро обходил их, не поднимая взгляда.

Кожаный плащ прилип к плечам. Сапоги стёрлись до дыр на пятках, но шаг оставался ровным. Он нёс в руке небольшой кошель — тяжёлый, но не настолько, чтобы расплатиться полностью.

У лавки торговца специями остановился. Мешки с перцем и корицей громоздились у входа. За прилавком стоял Алонсо Гарсия — человек с жирным лицом и глазами, которые считали каждый реал.

— Вальдеррама, — сказал Гарсия, не отрывая взгляда от весов. — Наконец.

Педро положил кошель на прилавок. Монеты звякнули глухо.

— Сорок реалов. Половина долга.

Гарсия развязал кошель, высыпал монеты в ладонь. Пере-

считал. Лицо его не изменилось.

— Половина? — Он поднял глаза. — Ты должен мне три месяца, идальго. Это треть.

— Сорок реалов принесу через неделю.

— Неделю? — Гарсия усмехнулся. — Ты обещал месяц назад. И два месяца назад. Сколько раз я буду слушать твои обещания?

Педро не ответил. Его пальцы легли на пояс, поправили ремень. Движение точное, привычное — будто проверял, на месте ли меч. Меч был на месте.

Старый, с потёртой рукоятью, но острый.

— Получишь восемьдесят реалов, — сказал он тихо.

— Заплатишь? — Гарсия откинулся назад, скрестил руки на груди. — Чем? Посмотри на себя. Сюртук в дырах. Сапоги разваливаются.

Ты бывший солдат, Вальдеррама. Бывший. Конкиста закончилась. Писарро мёртв. Куско разграблен. Что у тебя осталось? Шрамы да титул? — Он сплюнул в сторону. — Титулы не кормят.

Педро молчал. Глаза его оставались неподвижными. Он смотрел на Гарсию, не моргая.

— Если через неделю не принесёшь всё, — продолжил торговец, — пойду к судье. Пусть решает, что делать с идальго без денег. Может, отправят тебя работать на рудники. Там твоя гордость быстро сдуется.

Педро кивнул один раз. Резко. Развернулся и пошёл

прочь.

За спиной Гарсия крикнул:

— Неделя, Вальдеррама! Семь дней!

Педро не обернулся.

Он шёл по узкой улице между каменных домов. Балконы нависали над головой. Тень падала густо, но жара не уходила. Воздух был влажным, тяжёлым.

Дышать было трудно.

У стены остановился. Прислонился плечом к камню. Закрыв глаза.

Рука сама потянулась к поясу. Поправила ремень снова. Пальцы провели по рукояти меча. Привычка.

Когда-то этот жест означал готовность. Сейчас — только память.

Он вспомнил Куско. Штурм. Крики. Запах пороха и крови. Золото, которое несли из храма. Его доля тогда казалась огромной. Хватило на год. Потом на полгода. Потом кончилась.

Писарро раздавал земли своим людям. Педро не получил ничего. Он был солдатом, не капитаном. Не родственником. Не другом правителя. Просто одним из тех, кто шёл в первых рядах и выжил.

Теперь он был никем.

Педро открыл глаза. Посмотрел на свои руки. Шрамы на костяшках. Мозоли от рукояти меча.

Руки, которые умели убивать, но не умели торговать.

Он выпрямился. Снял плащ, перебросил через плечо. Пошёл дальше.

Площадь была заполнена людьми. Индейцы несли корзины с фруктами. Испанцы в широкополых шляпах торговались у лавок. Священник в чёрной рясе шёл через толпу, благословляя прохожих.

Педро обошёл его стороной.

У фонтана присел на край каменного бортика. Зачерпнул воду ладонью, выпил. Вода была холодной, с привкусом железа.

Рядом сидел старик с седой бородой. Он чистил апельсин, срезая кожуру длинными полосками. Педро смотрел на его руки. Спокойные, уверенные руки человека, когда-то приспособленные для боя, а не для работы. Такие же, как его собственные.

— Тяжёлый день? — спросил старик, не поднимая глаз.

Педро не ответил сразу. Зачерпнул ещё воды, смотрел, как она стекает между пальцев.

— Долги, — сказал он коротко.

Старик усмехнулся.

— У кого их нет? Этот город полон людей, которые кому-нибудь должны. Солдаты, торговцы, священники. Все ждут, что завтра будет лучше.

Но завтра не приходит.

Педро посмотрел на него.

— Завтра придёт, — сказал он тихо.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я сделаю так, чтобы оно пришло.

Старик оторвал дольку апельсина, протянул Педро. Тот покачал головой.

— Гордость, — сказал старик. — Она тебя погубит.

— Она меня и спасёт.

Старик пожал плечами. Съел дольку сам.

Педро поднялся. Пошёл дальше.

Солнце клонилось к западу. Тени вытягивались. Город начинал затихать. Лавки закрывались.

Торговцы сворачивали навесы. Улицы пустели.

Педро свернул в переулок. Узкий проход между двумя домами. Стены были высокими, каменными. Внизу, у порога одного из зданий, сидел нищий.

Безногий. Он протягивал руку, бормотал молитву.

Педро прошёл мимо. Не остановился. У него не было ничего, чтобы дать.

В конце переулка вышел на небольшую площадь. Здесь было тихо. Только ветер шумел в ветвях дерева, росшего у стены церкви.

Педро остановился. Посмотрел на восток. Там, за городом, поднимались горы. Андские хребты.

Тёмные, покрытые лесом. За ними — неизвестность.

Он слышал рассказы. О землях, где течёт золото. О реках, полных драгоценностей. О городах, построенных из чистого металла.

Эльдорадо.

Многие уходили туда. Немногие возвращались.

Педро стоял, глядя на горы. Ветер трепал его плащ. Волосы падали на лицо.

Рука снова сжала рукоять меча.

— Золото на востоке возместит всё, — прошептал он.

Педро развернулся и пошёл обратно в город. Шаг стал быстрее.

Неделя у него была. Но неделя ничего не изменит.

Потому что через неделю Педро де Вальдеррамы в Кито уже не будет.

Он пойдёт на восток.

Пьяницы и легенды

Педро толкнул дверь таверны плечом. Внутри висел тяжёлый запах жареного мяса, застоявшегося пива и табачного дыма. Шум накрыл его волной — крики, хохот, стук кружек по столешницам. Он двинулся между столами, мимо игроков в кости, торговцев с грязными манжетами, бывших солдат с пустыми глазами.

— Четыре тысячи носильщиков повёл Писарро, — донеслось от угла. — Испанцев больше двухсот. Назад пришли человек восемьдесят, не больше.

— Потому что блуждали, как слепые, — откликнулся другой голос. — Карт не было, проводники ввали.

— А ты знаешь?

— Я слышал от одного из Кито — за сельвой лежат селения, где золотом покрыты храмы. Даже посуда из чистого металла.

Педро подошёл к стойке, бросил на тарелку монету. Трактирщик молча плеснул вино в оловянный кубок. Педро отпил. Терпкое, с привкусом уксуса.

Он повернулся к залу, прислонился спиной к стойке.

— Храмы из золота, — передразнил кто-то. — И амазонки, что стреляют огнём, и реки, текущие изумрудами.

Несколько человек рыгнули от смеха. Педро не улыбнулся. Те же речи он слышал в Кахамарке, в Лиме, везде, где

пили бывшие завоеватели. Но сегодня в словах пьяниц промелькнуло имя — Орельяна.

Капитан, который ушёл вниз по великой реке и вернулся с рассказами о золотых городах на востоке. Педро сжал кубок. Если Орельяна говорил правду, значит, Эльдорадо не миф.

— Хохочите, — бросил пожилой воин, сидевший в углу. Педро глянул на него. Изможденное лицо, борода клочьями, глаза ввалившиеся. Левая рука застыла на столе крючком — видно, изуродована давно. — Смейся, пока можешь.

Все мы тут — обломки прошлых походов. Либо опять в джунгли — либо сгинем в нищете.

Тишина легла на несколько секунд. Педро увидел, как несколько мужчин опустили взгляды. Один провёл рукой по лицу, другой сжал кружку.

— Вот именно, — сказал кто-то тихо. — Нам больше некуда.

Педро поставил кружку на стойку, подошёл к столу, где сидел старый солдат.

— Вы были с Писарро? — спросил он.

Старик поднял глаза. Они были мутными, но ещё живыми.

— Не с Гонсало, — ответил он. — С Франсиско. В Куско. Видел, как делили золото. Видел, как потом делили землю. Мне не досталось ни того, ни другого.

Педро посмотрел на свои руки. Он знал эту историю. Она была его собственной.

— А экспедиция Гонсало? — спросил он. — Что случилось с ней?

— Джунгли, — сказал старик. — Болота. Болезни. Индейцы бежали, еда кончилась. Построили корабль из того, что нашли, поплыли вниз по реке.

Большинство умерло. Орельяна дошёл до океана, но золота не нашёл.

— Значит, его нет, — сказал молодой писец за соседним столом. Педро посмотрел на него. Мальчишка, лет двадцати, с чернильными пятнами на манжетах.

— Значит, искали не там, — возразил кто-то ещё.

— Или не так.

Педро отошёл от стола, прошёл к окну. На улице сгушались сумерки. Каменные дома Кито выстраивались рядами, балконы нависали над узкими улицами. Где-то внизу кричали торговцы, звенели колокола церкви Сан-Франсиско.

— Ты веришь?

Педро обернулся. Рядом стоял мужчина средних лет, в тёмном камзоле, с коротко остриженными волосами. Лицо жёсткое, глаза внимательные, он сразу показался Вальдерраме человеком надежным и решительным.

— Во что? — спросил Педро.

— В золото.

Педро посмотрел на него, потом снова в окно.

— Я верю в долги, — сказал он. — А золото — способ их выплатить.

Мужчина усмехнулся.

— Разумно.

— Вы знаете, где искать золото? — спросил Педро, не поворачивая головы.

— Знаю, что нужно идти на восток. За горами, за реками. Там, где Писарро не дошёл. Там, где ещё никто не был.

Педро повернулся к нему.

— И что вам это даст?

— Мне? — Мужчина пожал плечами. — Славу, может быть. Власть. А тебе — деньги, если выживешь.

Педро не ответил. Военная выправка, уверенность в голосе, отсутствие сомнений. Капитан или кто-то близкий к этому. Начальник.

— Ты был в Куско? — спросил мужчина.

— Был.

— Служил?

— Под Писарро. Франсиско.

Мужчина кивнул.

— Значит, знаешь, что такое поход.

— Знаю.

— Тогда приходи завтра. Здесь же. Я собираю отряд.

Педро не сказал ни да, ни нет. Он просто кивнул. Мужчина развернулся и ушёл к другому столу, где его ждали двое в кожаных плащах.

Педро вернулся к стойке, допил вино. В зале снова поднялся шум — споры, смех, проклятия. Он слушал, но уже не

вслушивался. Слова текли мимо: Эльдорадо, золото, реки, джунгли, смерть, слава.

Старый солдат у окна снова заговорил, теперь тише, почти для себя:

— Мы все здесь ненужные. Войны кончились, земли розданы. Остались только легенды. И выбор — идти за ними или сгнить в этих стенах.

Педро вышел на улицу, где ветер с гор нёс запах дождя и пыли.

Золото или смерть. Других дорог не осталось.

Человек в камзоле

Створки входа распахнулись одним ударом, петли взвизгнули протяжно. Сквозняк ворвался внутрь, заставив пламя свечей затрепетать и отбросить дрожащие тени на закопчённые стены. Гомон оборвался мгновенно — словно невидимая рука задушила каждый голос разом.

Гонсало де Рохас переступил порог и прошествовал по таверне размеренной походкой человека, бесконечно уверенного в собственной непогрешимости. Невысокий, плотный, в чёрном камзоле с серебряными застёжками, накидка сдвинута на плечи. Каблуки отбивали ровный такт по плитам. Ладони опущены, клинок у пояса, глаза устремлены вперёд.

Он не смотрел по сторонам — двинулся в середину, и люди расступились без слов. Запах кожи и стали исходил от него, словно благовоние, перебивая винный чад.

Педро опустил кубок. Дерево глухо стукнуло о стол. Сосед втянул воздух сквозь зубы.

Рохас замер возле широкого стола, опёрся о дерево жилистой, без украшений, пятерней. Он неспешно оглядел зал. Тёмные зрачки прошлись по лицам — вояки, клерки, головорезы.

Никто не шевелился.

— Я собираю людей в экспедицию, — произнёс Рохас. Педро нравилась его речь: тихая, но отчётливая, каждое сло-

во — как удар. — Три недели пути на восток. Через хребты Сьерра-Невада. В долину Эльдорадо.

Позади Педро кто-то присвистнул. Ещё один пробормотал ругательство. Рохас даже не моргнул, его пальцы его по-прежнему неподвижно лежали на столешнице.

— Даю слово: каждый выживший получит тысячу песо, — продолжил капитан. — Землю вернувшимся. Кто останется здесь — сдохнет в долгах к Рождеству.

Он не повысил голос. Но это было и не нужно. В углу потрескивал очаг, но даже этот еле слышный звук казался слишком громким в наступившем гробовом молчании.

Педро не сводил с него глаз. Рохас держался ровно, спина прямая, челюсть выдвинута. Не высокомерие — твёрдость. Педро знал таких людей. Они не убеждают. Они решают — и ждут, пока остальные догонят.

— Выступаем на третий день, — добавил Рохас. — Желающие — назовите имена писцу. Прочие — возвращайтесь к своей браге.

Он окинул помещение финальным взором, повернулся и зашагал к дверям. Поступь размеренная, неторопливая — этот человек убеждал одним своим видом. Одной манерой держаться.

Толпа ожила сразу. Голоса поднялись разом — вопросы, споры, восклицания. Кто-то уже толкался к столу, где сидел молодой писарь с бумагами. Другие переглядывались, качали головами, но не уходили.

Педро остался на месте. Руки лежали на столе, пальцы сплетены. Он смотрел на дверь, в которую ушёл Рохас. Внутри что-то сдвинулось — не надежда, не восторг, просто ясность.

Рядом кто-то толкнул его локтем.

— Ну что, идёшь? — спросил Диего Мальдонадо, опершись о стол. Он по своему обычаю усмеялся, но глаза выдавали серьёзность. — Или будешь сидеть тут, пока кредитор не продаст твою шпагу?

Педро не ответил сразу. Он поднял взгляд, посмотрел на толпу у писаря. Молодые солдаты, старые ветераны, наёмники без дела. Все одинаковые — остатки войн, без земли, без золота, без будущего.

— Иду, — сказал он тихо.

Диего хлопнул его по плечу.

— Вот и славно. Снова на восток, старина. Может, на этот раз повезёт.

Педро встал, поправил ремень. Пальцы привычно скользнули по пряжке — старый жест, офицерский. Он шагнул к столу, где уже собралась очередь.

У края зала, в тени колонны, стоял Фрай Томас де Эскобедо. Худой, в тёмной рясе, руки сложены перед грудью. Он смотрел на толпу спокойно, без осуждения, но и без зависти. Губы падре шевелились беззвучно — молитва или благословение, неясно.

Педро поймал его взгляд. Священник склонил голову.

Медленно, почти незаметно. Благословение без слов.

Педро поклонился в ответ и двинулся дальше.

Очередь продвигалась быстро. Писарь записывал имена торопливо, перо скрипело по бумаге. Педро дождался своей очереди, назвал имя. Писарь поднял голову, оценил его взглядом — изношенный сюртук, потёртые сапоги, прямая спина.

— Де Вальдеррама, — повторил писарь, выводя буквы. —
Ветеран?

— Куско. Писарро, — коротко ответил Педро.

Писарь кивнул, не поднимая глаз.

— Записан.

Педро отошёл. Толпа гудела вокруг, но он её не слышал. Он смотрел на дверь, в которую ушёл Рохас, и думал о том, что капитан сказал правду. Не про золото — про долги.

Кто останется здесь, останется с ними навсегда.

Диего подошёл сбоку, уже тоже записанный.

— Ну что, теперь три дня готовиться, — сказал он. —
Надо оружие проверить, сапоги починить. И долги закрыть, пока не поздно.

Педро усмехнулся сухо.

— Долги подождут. Или простят.

— Или продадут твой дом, — добавил Диего весело. —
Но ты будешь далеко, так что какая разница?

Педро не ответил. Он развернулся и пошёл к выходу. Толпа расступалась. Фрай Томас всё ещё стоял у колонны со сло-

женными на груди руками.

Педро прошёл мимо, не останавливаясь.

Снаружи было тихо. Вечер опускался на Кито, тени удлинялись. Он остановился на пороге, вдохнул прохладный воздух. Поправил плащ, шагнул вперёд.

Горы на востоке темнели на фоне синего вечернего неба.

Карта и решение

Педро вышел из душного зала таверны во внутренний двор. Воздух здесь был прохладнее — камень стен ещё хранил ночную влагу, а над головой тянулись деревянные балки галереи. В углу двора, у низкого стола из грубых досок, стоял Гонсало де Рохас. Перед ним лежала карта — пергамент, растянутый углами под четырьмя камнями.

Капитан склонился над ней, водя пальцем по линиям рек.

Педро остановился в трёх шагах. Рохас не поднял головы.

— Капитан.

— Говори.

— Я иду с вами.

Рохас выпрямился. Взгляд его скользнул по лицу Педро, задержался на руках — узловатых, со шрамом поперёк правого запястья. Потом опустил на потёртый ремень, на котором висела шпага в простых ножнах.

Он явно не помнил ни самого Вальдерраму, ни вчерашнего разговора.

— Где служил?

— Куско. Под началом Писарро.

— Когда?

— Тридцать восьмой. Осада и взятие.

Рохас понимающе улыбнулся. Затем отвернулся к карте, провёл ладонью по краю пергамента, разглаживая складку.

— Много таких, как ты. Ветераны без земли. Ходят по Кито, кланяются кредиторам.

Педро не ответил. Рохас поднял глаза снова — на этот раз долго, оценивающе.

— Ты умеешь держать людей в строю?

— Умею.

— Не дрогнешь, если придётся убивать людей?

— Не дрогну.

Рохас выпрямился полностью и сложил руки на груди. Молчание затянулось — тяжёлое, словно капитан взвешивал не слова, а самого Педро.

— Я веду двести человек на восток, — сказал Рохас наконец. — Половина — сброд. Рекруты, которые думают, что золото лежит на дороге. Мне нужен кто-то, кто знает, как выглядит смерть, и не побежит, когда она придёт.

Педро встретил его взгляд.

— Я знаю.

— Тогда ты пойдёшь впереди. Рядом со мной.

Рохас снова склонился над картой. Пальцем провёл по линии, уходящей от Кито к востоку — через горы, через пустые места, где художник нарисовал только завитки облаков и слова «terra incognita».

— Здесь, — сказал он, — мы пересечём хребет. Дальше — спуск к рекам. Кока, потом Напо. Индейцы говорят, что за Напо начинается земля золота.

Правда это или ложь — узнаем, когда дойдём.

Педро смотрел на карту. Линии были неточными, расстояния — приблизительными. Художник рисовал по слухам.

— Сколько времени?

— Месяц до рек. Может, два. Зависит от дороги.

— А дальше?

Рохас усмехнулся — коротко, без радости.

— Дальше — сколько выдержим.

Он выпрямился, отошёл от стола. Взгляд его стал жёстче.

— Ты понимаешь, что назад дороги не будет? Кто дрогнет — останется в лесу. Кто заболевает — тоже. Я не поведу отряд обратно ради одного человека.

— Понимаю.

— Хорошо.

Рохас протянул руку. Педро пожал её — ладонь капитана была сухой, крепкой, с мозолями от рукояти меча.

— Послезавтра на рассвете собираемся у северных ворот, — сказал Рохас. — Возьми с собой только то, что можешь нести сам. Лошадей хватит не всем.

— Будет сделано.

Рохас отпустил его руку. Повернулся обратно к карте, словно разговор уже закончился.

Педро сделал шаг к выходу, но остановился.

— Капитан.

— Да?

— Вы верите в это золото?

Рохас не поднял головы. Палец его снова двигался по пер-

гаменту — медленно, словно прощупывал путь.

— Я верю в то, что люди готовы умереть за него, — сказал он. — А это значит, что оно есть. Или было. Или будет — если мы дойдём первыми.

Педро посмотрел на карту ещё раз. Потом вышел из двора через узкую арку.

Улица перед таверной была пуста. Солнце уже поднялось выше крыш, и тени стали короче. Где-то за углом кричал торговец, предлагая кожаные фляги. Педро поправил ремень — автоматически, как делал это сотни раз.

Пальцы скользнули по рукояти шпаги, проверяя, на месте ли она.

Он пошёл вниз по улице, к дому, где снимал угол. Завтра на рассвете.

Педро шёл, не оглядываясь.

Перед рассветом

Северная окраина Кито пахла пылью, навозом и кожей. Педро миновал последние каменные дома и вышел на открытое пространство, где сотни людей собирались в подобие порядка. Солдаты таскали тюки, носильщики из местных племён привязывали поклажу к мулам, кузнецы били молотами по наковальням, чиня пряжки и латы. Шум стоял сплошной — лязг металла, крики погонщиков, топот копыт.

Педро остановился у края лагеря и оглядел толпу. Отряд Рохаса насчитывал около двухсот испанцев и столько же индейцев-носильщиков. Беспорядок был полный: кто-то грузил порох в промокшие мешки, кто-то пытался седлать непокорную лошадь, двое солдат ругались из-за мушкета. Педро поправил ремень на поясе — старая привычка, оставшаяся со времён службы в Куско, — и двинулся вперед.

— Опять к востоку, старина?

Голос прозвучал справа, насмешливый и знакомый. Педро обернулся. Диего Мальдонадо стоял у костра, держа в руках котелок с кипящей водой. Лицо его было обветренным, глаза блестели весело, на губах играла обычная лукавая усмешка.

— Опять, — коротко ответил Педро.

— Значит, ничему тебя жизнь не научила. — Диего поставил котелок на землю и вытер руки о штаны. — Помнишь,

как мы шли с Писарро? Обещали золото — получили лихорадку и стрелы.

— Получили Куско, — возразил Педро.

— Получили Куско Писарро и его братья. Мы с тобой получили жалованье, которое ушло на вино и долги. — Диего усмехнулся и мотнул подбородком в сторону лагеря. — Теперь снова то же самое. Только капитан другой.

Педро промолчал.

— Рохас жёсткий, — продолжил Диего, наклоняясь ближе. — Не то, что старый Гонсало. Этот не простит слабости.

— Я и не собираюсь быть слабым, — сказал Педро и пошёл дальше.

Он миновал группу солдат, которые спорили о распределении носильщиков. Один из них, молодой рекрут с редкой бородкой, размахивал руками и кричал, что ему дали слишком мало людей для поклажи. Другой, постарше, отвечал, что всем мало и пусть несёт сам.

Педро остановился рядом.

— Сколько у тебя мешков? — спросил он молодого.

Тот обернулся, недовольно сощурившись.

— Пять. А носильщиков трое.

— Два мешка привяжи к мулу. Три раздели на троих. — Педро указал на стоящего неподалёку мула, к которому ничего не было привязано. — Этот свободен?

Старший солдат вздохнул.

— Свободен, но капрал сказал, его оставить под порох.

— Порох уже погружен, — сказал Педро, глядя на штабель ящиков у дальнего костра. — Берите мула.

Молодой рекрут замолчал, затем кивнул и пошёл к животному. Старший посмотрел на Педро с уважением.

— Ты офицер?

— Был, — ответил Педро и двинулся дальше.

«И есть. И буду», — подумал он про себя.

Он обошёл ещё несколько групп, помогая распределять груз, указывая, где привязать верёвки, где переложить тюки. Никто не спрашивал, кто дал ему право командовать. Он говорил чётко, без лишних слов, и люди слушались. Порядок появлялся сам собой — не по приказу, а по действию.

У дальнего края лагеря Педро заметил давнишнего молодого человека, сидящего на камне с раскрытой книгой на коленях. Перо двигалось по бумаге быстро, оставляя за собой строки. Педро подошёл ближе.

— Хуанчо Наварро?

Юноша поднял голову. Лицо его было худым, глаза тёмными и внимательными. Он выглядел не старше двадцати, но держался с серьёзностью писаря.

— Да, господин. — Хуанчо встал, прижимая книгу к груди. — Вы Педро де Вальдеррама?

— Откуда знаешь?

— Капитан Рохас упомянул вас. Сказал, что вы ветеран Куско. — Хуанчо застенчиво улыбнулся. — Я веду хронику экспедиции. Записываю имена, события, маршруты.

— А сейчас что пишешь?

— Список рекрутов. — Хуанчо открыл книгу и показал страницу, исписанную мелким четким почерком. — Здесь имена, откуда пришли, какое оружие несут. Хочу зафиксировать всё, чтобы потом...

— Потом что?

Хуанчо замялся.

— Чтобы осталась память. О тех, кто шёл. И о том, что мы нашли.

Педро посмотрел на него внимательно.

— Пиши о дороге, — сказал он. — Не о чудесах. Дорога — это факт. Чудеса — домыслы.

— Но если мы найдём Эльдорадо...

— Если найдём, напишешь. А пока пиши, что видишь. —

Педро указал на лагерь. — Вот это — сотни людей, мулы, порох, мешки. Это и есть начало.

Хуанчо поклонился, опустив взгляд на книгу.

— Понял, сеньор.

Педро оставил его и пошёл к центру лагеря, где стоял шатёр капитана. У входа двое солдат проверяли оружие. Один из них поднял голову и кивнул Педро.

— Капитан внутри. Велел позвать тебя, как увидим.

Педро вошёл в шатёр. Внутри пахло кожей и табаком. Гонсало де Рохас стоял у стола, на котором лежала карта. Он не поднял головы, когда Педро вошёл.

— Ты навёл порядок снаружи, — сказал Рохас, не отры-

ваясь от карты. — Хорошо.

— Люди не знали, как распределить груз.

— Теперь знают. — Рохас выпрямился и посмотрел на Педро. Глаза его были тёмными, взгляд жёстким. — Выступаем на рассвете. Я поведу авангард. Ты возьмёшь арьергард. Следи, чтобы никто не отставал. Если кто-то начнёт хромать или жаловаться — заставь идти. Слабых оставим в первом же селении.

— Понял.

Рохас снова склонился над картой.

— Иди. Проверь, чтобы мушкеты были сухими. Если порох отсыреет, пеняй на себя.

Педро вышел из шатра и направился к месту, где хранился порох. Ящики стояли под навесом, накрытые брезентом. Он проверил верёвки, убедился, что ткань натянута плотно, затем обошёл весь лагерь ещё раз. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в оранжевый.

Костры разгорались один за другим, солдаты садились кругами, передавая котелки с едой.

Диего окликнул его снова, махнув рукой.

— Иди сюда, Педро. Поешь с нами.

Педро подошёл и сел на землю у костра. Диего протянул ему миску с тушёным мясом. Педро взял её, но не стал есть сразу. Он смотрел на огонь, на лица солдат вокруг, на тени, которые плясали на стенах шатров.

— Завтра выступаем, — сказал Диего. — Готов?

— Готов, — ответил Педро.

Он поднял миску и начал есть. Мясо было жёстким, но горячим. Вокруг звучали голоса — шутки, споры, рассказы о прошлых походах. Педро слушал, не вмешиваясь.

Он знал, что завтра всё изменится. Лагерь у ворот Кито — это ещё покой, ещё граница между прошлым и будущим. Впереди — горы, леса, реки.

Он доел мясо, поставил миску на землю и встал. Диего посмотрел на него вопросительно.

— Куда?

— Проверить арьергард, — сказал Педро. — Рохас велел. Диего усмехнулся.

— Уже офицер, а ещё не вышли из города. Умеешь.

Педро не ответил. Он пошёл к дальнему краю лагеря, где собирались солдаты арьергарда. Они сидели у костра, чинили сапоги, точили ножи. Педро остановился рядом и окинул их взглядом.

Один из солдат поднял голову.

— Ты наш командир?

— Я, — сказал Педро. — Проверьте оружие и обувь. Кто не готов — останется.

Солдат сделал понимающий жест и вернулся к работе. Остальные молча продолжили свои дела. Педро постоял ещё немного, затем развернулся и пошёл к своему месту у костра.

Ночь опустилась на лагерь быстро. Звёзды высыпали на небо густо, будто кем-то рассыпанные. Педро лёг на землю,

подложив под голову мешок с одеждой. Вокруг шумели голоса, трещали костры, где-то ржала лошадь.

Он закрыл глаза, но сон не шёл. В голове крутились мысли — о дороге, о золоте, о том, что ждёт впереди.

Он вспомнил слова Диего: «Обещали золото — получили лихорадку и стрелы». Может быть, так и будет снова.

Педро повернулся на бок и открыл глаза. Костёр догорал, угли тлели красным. Он посмотрел на них, затем снова закрыл глаза.

Завтра начнётся путь.

*

Рассвет пришёл холодным и серым. Педро проснулся от звука трубы — резкого и пронзительного, как всегда. Он сел, потянулся и встал. Вокруг солдаты поднимались с земли, сворачивали одеяла, проверяли оружие.

Лагерь ожил, как растревоженный улей.

Педро подошёл к арьергарду. Люди уже стояли в строю, держа мушкеты и сабли. Он окинул их взглядом — сорок пять человек, все готовы. Сколько из них он приведет обратно?

Вальдеррама критически оглядел колонну.

— Хорошо, — сказал он, непроизвольно хмурясь. — Ждём сигнала.

Труба прозвучала снова. Педро обернулся и увидел, как авангард начал движение. Рохас ехал впереди на лошади, выпрямившись в седле. За ним шли солдаты, затем носильщи-

ки с мулами.

Колонна растянулась по дороге, медленно, но уверенно двигаясь к востоку.

Педро поднял руку.

— Вперёд.

Арьергард двинулся следом. Педро шёл в конце, оглядываясь назад. Кито оставался позади — каменные дома, церкви, площади. Город, где он жил, где копил долги, где унижался перед кредиторами.

Он повернулся лицом к дороге и пошёл вперёд. Шаги были твёрдыми, ровными. Вокруг звучали голоса, лязг оружия, топот ног. Впереди поднимались горы — тёмные, покрытые туманом.

Где-то за ними лежал восток, джунгли, реки. Там было золото, там должно было быть золото.

Или смерть.

Падре де Эскобедо

Фрай Томас де Эскобедо стоял у городских ворот, обеими руками держа деревянный крест. Солнце уже поднялось над каменными стенами Кито, бросая острые тени на мощёную площадь. Отряд собрался полукругом — около двухсот испанцев, десятки индейцев-носильщиков, мулы с поклажей. Металл звенел: кто-то поправлял ремень меча, кто-то затягивал пряжку на латах.

— Господь наш Иисус Христос, — начал Фрай Томас, поднимая крест выше, — веди нас через горы и леса. Защити от язычников и демонов. Даруй нам силу нести свет веры в земли тьмы.

Язычники молчали. Демоны тоже.

Педро де Вальдеррама стоял в третьем ряду, сняв шляпу. Губы шевелились машинально — слова молитвы знал наизусть. Рядом Диего Мальдонадо перекрестился широким, почти театральным жестом. Чуть дальше Хуанчо Наварро склонил голову, прижимая к груди кожаный футляр с перьями и чернильницей.

— Аминь, — отозвались голоса. Вразнобой, кто громко, кто еле слышно.

Фрай Томас опустил крест, провёл ладонью по лбу. Пот выступил несмотря на утреннюю прохладу. Он обошёл первый ряд, кропя солдат святой водой из медной чаши.

Капли падали на шлемы, на плечи, на рукояти мечей.

— Идите с Богом, — сказал он. — Пусть каждый шаг ваш будет шагом во славу Господа.

Педро почувствовал холодную каплю на запястье. Вытер её большим пальцем, не глядя. За спиной кто-то сухо, отрывисто кашлянул. Ещё один солдат сплюнул в сторону, потом быстро перекрестился, будто извиняясь.

Гонсало де Рохас стоял чуть поодаль, у самых ворот держал руку на рукояти шпаги. Он ждал, пока священник закончит. Не торопил, но и не склонил головы. Он был при деле: скользил взглядом по рядам — считал, проверял, отмечал.

Когда фрай Томас отступил, Рохас шагнул вперёд.

— Строиться в колонну! — Голос его прорезал площадь. — Пехота — первые два ряда. Мулы — в центр. Носильщики — за ними. Кавалерия — арьергард.

Солдаты зашевелились. Звон усилился — латы, копья, щиты. Кто-то ругнулся вполголоса, споткнувшись о камень. Капрал Себастьян де Ольмедо толкнул молодого рекрута в плечо:

— Живее! Думаешь, горы подождут?

Педро надел шляпу, поправил ремень с мечом. Тяжесть оружия успокаивала — привычная, надёжная. Он двинулся к своему месту в колонне, обходя группу индейцев, сидевших на корточках у стены. Те молчали, глядя в землю.

Один держал верёвку, которой связали тюки с кукурузной мукой.

Диего поравнялся с Педро и широко улыбнулся:

— Благословение получили. Теперь хоть черти не страшны.

— Черти впереди, — ответил Педро, не оборачиваясь. — Позади только долги.

— И то правда.

Хуанчо шёл следом, прижимая футляр к боку. Он оглянулся на фрая Томаса, который всё ещё стоял у ворот, держа крест. Молодой писарь достал из футляра небольшую записную книжку, раскрыл на ходу.

— Педро, — позвал он. — Как записать? «Благословение у ворот» или «молитва перед исходом»?

Педро обернулся, глянул на открытую страницу.

— Пиши: «Фрай Томас окропил отряд святой водой. Рохас приказал строиться». Остальное — романтика.

Хуанчо записал и прикрыл книжку ладонью от пыли.

Колонна выстроилась. Рохас обошёл первый ряд, проверил расстояние между солдатами. Остановился перед капралом Ольмедо и медленно, вопросительно наклонил голову. Тот выпрямился, стукнул древком копья о камень.

— Готовы, капитан.

Рохас поднял руку. Площадь затихла. Даже мулы перестали фыркать.

— Мы идём на восток, — сказал Рохас. — За горами — золото. Кто дойдёт — получит долю. Кто отстанет — останется в земле. Вопросы есть?

Молчание.

— Тогда вперёд.

Он опустил руку. Колонна двинулась.

Педро шагнул вслед за передним рядом. Камни под сапогами скрипели. Запах пыли смешался с запахом пота и кожи. Справа мул заупрямился, носильщик дёрнул за поводья, ударил хворостиной по крупу.

Животное фыркнуло, но пошло.

Ворота Кито остались позади. Узкая дорога вела вверх, к предгорьям. Слева высились каменные дома с балконами, справа — глинобитные стены складов. Женщина в окне второго этажа смотрела на колонну, держа ребёнка на руках.

Педро поднял взгляд. Впереди, за последними домами, темнели склоны Анд. Облака цеплялись за вершины, закрывая пики. Ветер усилился, принёс с собой запах влажной земли и травы.

Диего шёл рядом, насвистывая что-то себе под нос. Педро узнал мотив — старую солдатскую песню, которую пели ещё при взятии Куско. Тогда тоже обещали золото и шли через горы.

— Помнишь? — спросил Диего, не прерывая мелодию.

— Помню.

— Тогда получилось.

— Тогда вёл Писарро.

Диего неодобрительно замолчал и перестал насвистывать. Колонна растянулась. Передние ряды уже скрылись за по-

воротом дороги. Педро слышал звон металла впереди, стук копыт сзади. Фрай Томас шёл в середине колонны привязав крест к спине ремнём.

Губы его шевелились — падре молился.

Хуанчо снова достал книжку, записал что-то, не останавливаясь. Педро глянул через плечо:

— Что пишешь?

— Что ворота Кито остались позади. Что мы идём к горам.

Ветеран усмехнулся. Рвение молодежи. Хотел было посоветовать экономить силы, но передумал:

— Пиши дальше.

Дорога пошла круче. Камни под ногами стали крупнее, острее. Кто-то из задних рядов споткнулся, выругался. Капрал Ольмедо крикнул:

— Смотри под ноги, идиот!

Педро шёл ровно, не ускоряясь и не замедляясь. Дыхание пока не сбивалось. Ноги помнили длинные марши — тело само находило ритм. Он поправил ремень, потом ремень сумки с сухарями.

Всё на месте.

Справа, у обочины, стоял старик-индеец, опираясь на посох. Смотрел на колонну молча, без выражения. Педро встретился с ним взглядом — на мгновение. Старик не отвёл глаз, даже не пошевелился. Просто стоял. Он видел немало таких отрядов. Видел, как они уходили и, иногда, как они возвращались.

Колонна прошла мимо.

Дорога вывела на открытое пространство. Кито остался внизу — каменные стены, красные черепичные крыши, дым от утренних костров. Город становился меньше с каждым шагом. Педро обернулся, глянул вниз.

Площадь у ворот уже не различалась. Только серые пятна домов и тонкая линия стен.

— Прощай, нищета, — пробормотал Диего.

Педро ничего не ответил. Повернулся обратно, к дороге. Впереди горы поднимались всё выше, закрывая половину неба. Облака сползали ниже, касаясь склонов.

Где-то там, за хребтами, начинались леса. Где-то там — золото.

Рохас ехал верхом в голове колонны, выпрямив спину. Он не оглядывался. Он вёл.

Первый перевал

На седлующий день Педро шёл в авангарде, чуть позади Рохаса, который вёл отряд верхом. Копыта стучали по каменной мостовой, латы звенели в такт шагам.

Дорога поднималась круто. Каменные дома сменились глинобитными хижинами, потом и они исчезли. Остались только склоны, поросшие жёстким кустарником, и узкая тропа, вырубленная в скале.

Хуанчо Наварро пристроился рядом с Педро. Молодой писарь дышал тяжело — высота давила на грудь, но глаза горели. В руках он сжимал кожаную сумку с бумагами.

— Дон Педро, — начал он, запыхавшись, — я записал благословение фрая Томаса. И слова капитана. И имена всех, кто вышел из Кито. Думаете, когда мы вернёмся, эти страницы станут хроникой?

Как у Гонсало Фернандеса де Овьедо?

Истинный кастилец, идущий за славой. Что ж, в двадцать лет самое время идти за славой.

Педро не ответил сразу. Он смотрел на дорогу — камни под ногами были влажными от ночного тумана, скользкими.

— Может быть, — сказал он наконец. — Если вернёмся.

Хуанчо не услышал сомнения. Он продолжал, слова сыпались потоком:

— Я хочу описать всё. Как мы идём к золотой стране. Как

капитан де Рохас ведёт нас через горы. Как мы найдём Эль-дорадо и вернёмся героями.

Я читал о Кортесе, о Писарро — их имена живут в книгах. Наши тоже будут жить!

Педро остановился. Колонна продолжала движение, обтекая его. Он повернулся к Хуанчо. Молодой писарь замер, глядя на него снизу вверх.

— Я уже говорил тебе: пиши о дороге. И, если ты не можешь, не жди чудес.

Хуанчо моргнул.

— Но разве мы не идём за чудом? Золотой правитель, город из золота...

— Мы идём за золотом, — перебил Педро. — Не за чудом. Золото — металл. Его можно взвесить, расплавить, разделить. Чудеса — для фрая Томаса.

Ты хочешь писать хронику — пиши, что видишь. Сколько прошли. Сколько съели. Кто упал.

Кто встал. Это останется.

Он снова пошёл вперёд. Хуанчо постоял, потом торопливо последовал за ним, доставая из сумки перо и лист.

— Дон Педро, — сказал он тише, — вы не верите в Эль-дорадо?

Педро не обернулся.

— Я верю в дорогу. Она под ногами.

Хуанчо замолчал. Он шёл рядом, делая пометки на ходу. Педро слышал царапанье пера по бумаге. Молодость. Энту-

зиазм. Вера в то, что слова спасут от забвения. Может быть, так и есть. Но сначала нужно выжить, чтобы было что записывать.

Колонна поднималась выше. Воздух становился разреженным, холодным. Педро чувствовал, как лёгкие работают тяжелее, как сердце стучит чаще. Он привык к этому — Анды не прощают слабости, но и не убивают тех, кто знает меру.

Диего Мальдонадо шёл чуть позади, с группой солдат. Он окликнул Педро:

— Эй, старина! Скоро привал?

Педро взглянул на солнце. Оно поднялось над горизонтом, но ещё не достигло зенита.

— Рохас решает, — ответил он.

— Рохас решает, — передразнил Диего. — А ты что, уже не офицер? Или я что-то недопонял за эти дни?

Педро усмехнулся.

— Я тот, кто идёт. Как и ты.

Диего рассмеялся, но смех оборвался — дыхание не позволяло тратить воздух на шутки.

Тропа сузилась. Слева — скала, справа — обрыв. Внизу, в ущелье, шумела река. Педро слышал её рёв, хотя вода была далеко.

Он шёл осторожно, ставя ноги на центр тропы. Один неверный шаг — и вниз, в белую пену.

Хуанчо замедлил шаг. Педро обернулся.

— Не смотри вниз, — сказал он. — Смотри на спину впе-

реди идущего.

— Я не боюсь, — ответил Хуанчо, но голос дрогнул.

— Не боишься — хорошо. Но всё равно смотри вперёд.

Колонна растянулась. Рохас ехал впереди, не оглядываясь. Педро знал — капитан проверял дорогу взглядом, оценивал риски, но не показывал сомнений. Так ведут себя опытные командиры. Так держат отряд. Так вел себя и он сам. Показать страх — значит посеять панику.

Солнце поднялось выше. Педро чувствовал, как пот стекает по спине под кожаным плащом. Он снял его, перекинул через плечо. Легче не стало — воздух был слишком тонким.

Хуанчо снова заговорил:

— Дон Педро, вы служили с Писарро?

— Служил.

— В Куско?

— В Куско.

— Там было много золота?

Педро остановился. Он посмотрел на Хуанчо — молодое лицо, жадные глаза, руки, сжимающие сумку с бумагами.

— Там было много крови, — сказал он. — Золото пришло после.

Хуанчо замолчал. Педро пошёл дальше.

К полудню колонна достигла первого перевала. Рохас поднял руку — сигнал остановиться. Солдаты осели на камни, индейцы сбросили тюки. Педро прислонился к скале, закрыл глаза.

Усталость была тупой, тяжёлой, но привычной.

Диего подошёл, протянул флягу. Педро отпил — вода была тёплой, с привкусом кожи.

— Как думаешь, сколько ещё? — спросил Диего.

— До чего?

— До конца гор.

Педро посмотрел на восток. Там, за хребтами, лежали облака. Белые, плотные, бесконечные.

— Дня три, — сказал он. — Может, четыре.

— А до золота?

Педро усмехнулся.

— Спроси у Рохаса.

Диего сплюнул.

— Рохас знает не больше нашего. Он идёт на слухи. Как и мы.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Диего пожал плечами.

— Привычка. Надежда. Чёрт его знает.

Он ушёл. Педро остался один. Хуанчо сидел неподалёку, строчил что-то, положив бумагу на колени. Педро наблюдал за ним.

Рвение. Честолюбие. Энтузиазм. Всё это сгорит в джунглях, если доберутся до джунглей.

Но пока — пусть пишет. Может быть, из этих записей что-то останется.

Рохас спешился, подошёл к краю обрыва. Он смотрел

вниз, потом на восток. Педро знал этот взгляд — капитан просчитывал риски. Рохас обернулся, встретился глазами с Педро.

Кивнул. Педро кивнул в ответ. Они понимали друг друга.

Привал закончился быстро. Рохас подал сигнал — колонна поднялась и двинулась дальше. Педро шёл, считая шаги. Старая привычка — считать чтобы не думать. Идти и не думать. Не думать и идти.

Тропа поднималась круче. Камни под ногами были острыми, неровными. Педро чувствовал, как подошвы сапог стираются. Ещё месяц — и придётся искать новую обувь. Или идти босиком, как индейцы.

Хуанчо снова пристроился рядом.

— Дон Педро, — начал он, — я хочу спросить...

— Спрашивай, — перебил Педро.

— И все-таки, вы верите, что мы найдём Эльдorado?

Вальдеррама не ответил сразу. Он смотрел на дорогу, на камни, на облака впереди.

— Запиши, — сказал Педро. — Первый день. Вышли из Кито на рассвете. Двести испанцев, индейцы-носильщики, мулы. Дорога каменная, подъём крутой. К полудню достигли первого перевала. Воздух тонкий, дыхание тяжёлое. Никто не отстал. Идём дальше.

Пиши дословно, как я сказал. И не приставай ко мне больше.

Хуанчо торопливо записывал. Педро смотрел, как перо

скользит по бумаге. Буквы. Слова. Хроника.

К вечеру ветер усилился. Он дул с востока, холодный, влажный, пахнувший дождём и лесом. Педро поднял голову — облака надвигались, тёмные, тяжёлые. Скоро начнётся буря.

Рохас остановил колонну у скалы, где был небольшой выступ — подобие навеса. Солдаты сгрудились под ним, индейцы разложили тюки. Педро помог растянуть брезент, закрепить углы камнями.

Ветер рвал ткань, стремился сорвать её и унести вдаль. Педро держал край, пока другие вбивали колья. Хуанчо стоял рядом, прижимая сумку к груди.

— Убери бумаги, — сказал Педро. — Промокнут — не прочтёшь.

Хуанчо спрятал сумку под плащ.

Буря началась внезапно. Ветер взвыл, ударил в скалу, отразился эхом. Дождь хлестнул — холодный, острый, как ледяные иглы. Педро пригнулся, натянул плащ на голову.

Вода стекала по лицу, попадала в глаза, в рот.

Хуанчо прижался к скале, дрожа всем телом. Педро подвинулся ближе, закрыл его плечом от ветра. Молодой писарь посмотрел на него благодарно, но ничего не сказал — слова уносило ветром.

«Нянчусь с ним...», — подумал Вальдеррама недовольно, но почему-то не отодвинулся.

Буря длилась до ночи. Потом стихла так же внезапно, как

началась. Ветер утих, дождь прекратился. Остались только капли, стекающие с камней, и тяжёлое дыхание людей.

Педро выпрямился, огляделся. Колонна цела. Никто не сорвался в обрыв, никого не унесло ветром. Рохас обходил отряд, проверяя людей.

Педро видел, что капитан доволен. Первое испытание пройдено.

Диего подошёл, стряхивая воду с плаща.

— Весёлое начало, — сказал он.

— Это ещё не начало, — ответил Педро. — Это только дорога.

— А когда начало?

— Когда закончатся горы.

Диего усмехнулся.

— Тогда я подожду.

Он ушёл. Педро остался у края навеса, глядя на восток. Облака рассеялись, и между ними проглядывали звёзды. Холодные, далёкие, равнодушные.

Педро знал — они будут светить, когда колонна дойдёт до джунглей. И когда вернётся. И когда всё закончится.

Хуанчо вытащил бумаги, проверил — сухие. Он посмотрел на Педро.

— Записать про бурю?

— Запиши, — сказал Педро. — Первый вечер. Буря на перевале. Ветер с востока, дождь холодный. Никто не пострадал. Идём дальше.

Хуанчо писал. Педро слушал царапанье пера. Звук успокаивал — напоминал, что есть порядок. Есть слова. Есть хроника.

Рохас подошёл, встал рядом. Он смотрел на восток, как и Педро.

— Завтра пройдем ещё один перевал, — сказал капитан.
— Потом спуск. Через три дня — джунгли.

— Хорошо, — ответил Педро.

— Ты готов?

— Я всегда готов.

Рохас усмехнулся.

— Поэтому ты здесь.

Он ушёл. Педро остался один. Он смотрел на звёзды, на облака, на тёмные склоны гор.

Педро сел у костра, протянул руки к огню. Пламя грело, но не согревало. Холод шёл изнутри — от усталости, от страха, от понимания, что дорога только началась.

Диего протянул ему миску с похлёбкой. Педро взял, отпил. Горячо, солёно, невкусно.

Рохас сидел напротив, смотрел в огонь. Его лицо было спокойным, но Педро видел напряжение в плечах, в сжатых кулаках. Капитан тоже боялся, но не показывал. Хороший начальник. С таким есть шанс.

Фрай Томас сидел в стороне, читая молитвы. Его голос был тихим, монотонным. Педро слушал, не вникая в слова.

Он поднялся, отошёл от костра, встал у края обрыва. Ве-

тер дул в лицо, холодный, влажный.

Хуанчо подошёл и встал рядом.

— Дон Педро, почему вы здесь? — спросил он тихо. — Почему идёте?

Педро посмотрел на него, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Вот приставучий тип.

Но Хуанчо ему нравился. Ему вообще нравились люди, умеющие писать.

— Потому что иначе умру в долгах, — сказал он. — В Кито. В нищете. Без имени.

— А здесь?

— Здесь умру с именем. Или вернусь с золотом.

Хуанчо понимающе махнул рукой.

— Я запишу это, — сказал он.

— Запиши, — ответил Педро.

Он повернулся, пошёл обратно к костру. Хуанчо остался у обрыва, смотрел на восток.

Страх и надежда

Педро опустился на корточки у костра, протягивая руки к пламени. Вечерний холод спускался с гор острыми когтями, пробирал сквозь потёртую шерсть сюртука. Вокруг, на каменной площадке первого привала, расположились полтора десятка костров — красные пятна в сумерках, окружённые силуэтами солдат. Запах дыма смешивался с запахом конского пота и влажной земли.

— Погибнет половина, — сказал кто-то слева. Голос был молодой, неуверенный. — Как при Писарро. Двести двадцать тогда вышло, меньше сотни вернулось.

Педро не поднял голову. Он знал этот разговор. Слышал его в Куско, в Лиме, в десятке таверн между Кито и побережьем. Одни и те же слова, разные губы.

— Четыре тысячи индейцев взяли, — продолжал голос. — Почти никто не выжил. Джунгли съели их. Река съела. Голод.

— Заткнись, Алонсо. — Второй голос, старше, грубее. — Писарро искал не там. Мы пойдём другим путём.

— Какая разница? — Алонсо сплюнул в огонь. — Эльдorado — сказка для дураков. Золотой человек, золотой город. Индейцы врут, чтобы увести нас подальше от их деревень. А мы идём, как слепые.

Педро поднял взгляд. Алонсо сидел напротив, совсем

мальчишка — лет восемнадцать, не больше. Узкое лицо, нервные пальцы тербелили край плаща. Рядом с ним устроился Бартоломе, крепкий солдат со шрамом через левую бровь.

— Не слепые, — возразил Бартоломе. — Мы знаем, что ищем. Золото есть. Я сам его видел — у индейцев в Кито были браслеты, чистое золото. Откуда-то они его взяли.

— С гор. Из рудников. — Алонсо покачал головой. — Не из волшебной страны.

— Тогда зачем ты пошёл? — Бартоломе наклонился вперёд, глаза блеснули в отблесках пламени. — Если не веришь, зачем подписался?

Пауза. Алонсо уставился в огонь.

— Долги, — сказал он тихо. — Как у всех.

Педро почувствовал, как что-то сжалось в груди. Правда, голая и острая. Долги. Не золотая мечта и не жажда славы. Просто долги и нищета, загнавшие в этот поход двести человек.

— Мы все здесь остатки, — пробормотал кто-то справа. Педро узнал голос — Диего Мальдонадо, старый товарищ, сидевший чуть поодаль, спиной к валуну. — Остатки войн. Конкиста кончилась, а мы остались. Земли раздали, золото раздали. Нам — ничего. Или снова идём — или умираем в долгах.

Несколько голосов подтвердили согласным ворчанием. Педро кивнул, не глядя на Диего. Точно. Война кончилась, но победа досталась другим.

Тем, кто пришёл раньше. Тем, кто знал нужных людей. А для остальных — только новые походы, новые риски, новые легенды.

— Но легенда может быть правдой, — сказал Бартоломе упрямо. — Индейцы говорили о короле, который покрывает себя золотой пылью. О храме, где золото лежит грудями. Почему бы это не могло быть правдой?

— Потому что удобно, — ответил Алонсо. — Удобно верить. Легче идти, если думаешь, что в конце — золото. А в конце — болота и голод.

Педро выпрямился. Ноги затекли. Он встал, отряхнул руки.

— Хватит, — произнёс он негромко.

Голоса стихли. Алонсо поднял взгляд, удивлённо.

— Сеньор Вальдеррама?

— Хватит гадать. — Педро обвёл взглядом круг лиц. — Золото есть или нет — узнаем, когда дойдём. Сомнение тут не поможет.

— Но разве не стоит знать, во что ввязываешься? — Алонсо сжал кулаки. — Разве не стоит спросить, стоит ли оно того?

— Поздно спрашивать. — Педро шагнул к краю костра, повернулся лицом к мальчишке. — Ты уже здесь. Мы все здесь. Кито позади. Дорога одна — вперёд.

Алонсо открыл рот, но не нашёл слов. Педро видел страх в его глазах. Он понимал его. Сам чувствовал то же самое —

холодный узел под рёбрами, тревогу, которая не отпускала с момента, как он согласился на этот поход.

Но страх нельзя было показывать. Нельзя было давать ему голос.

Раздались шаги за спиной. Педро обернулся. Из темноты вышел Гонсало де Рохас, капитан, высокий силуэт в тёмном плаще. Лицо его оставалось в тени, но голос прозвучал чётко, без колебаний.

— Вальдеррама прав. — Рохас остановился у костра, окинул взглядом собравшихся. — Сомнение — это поражение. Если ты сомневаешься, ты уже проиграл. Золото существует, пока мы идём к нему. Понял, Алонсо?

Мальчишка опустил глаза.

— Да, капитан.

— Хорошо. — Рохас повернулся к остальным. — Завтра выходим на рассвете. Спать. Кто не спит — пусть молится. Но разговоры о поражении заканчиваются сейчас.

Он развернулся и ушёл так же быстро, как появился. Костёр затрещал, выбросив сноп искр в ночное небо. Педро проводил взглядом капитана, затем снова посмотрел на Алонсо. Мальчишка сидел, сгорбившись и опустив плечи.

Бартоломе хмыкнул, потянулся.

— Ну вот. Капитан сказал — значит, так и будет.

Диего поднялся с места, подошёл к Педро, остановился рядом.

— Верно говоришь, старина, — пробормотал он вполго-

лоса. — Сомнение не поможет. Но и не помешает, если держать его при себе.

Педро взглянул на него. Диего улыбнулся криво, устало.

— Идём спать?

— Иди. Я ещё постою.

Диего похлопал его по плечу и направился к своему месту у края лагеря. Педро остался один, глядя в огонь. Вокруг постепенно затихали голоса. Солдаты укладывались, завернувшись в плащи, прижимаясь к камням, чтобы укрыться от ветра.

Кто-то тихо молился. Кто-то храпел.

Педро поднял голову. Над горами горели звёзды, яркие и холодные. Где-то там, за вершинами, лежали джунгли. Реки. Неизвестные земли.

Он не знал, как просыпался в холодном поту, видя лица мёртвых из прошлых походов. Не знал, как боялся, что этот поход станет последним.

Но страх не останавливал.

Педро поднял мешок, закинул на плечо. Тропа вела вверх, в темноту.

Он шёл первым.

2. Камни в тумане

Тропа

Тропа начиналась там, где заканчивалась земля.

Педро де Вальдеррама остановился на краю обрыва, глядя вниз — туман стелился по дну ущелья, скрывая камни внизу. Ветер бил в лицо — сырой, пронизывающий, с привкусом льда и мокрого гранита. За спиной — колонна: солдаты, носильщики, вьючные животные. Сто девяносто три души, индейцы, восемь мулов, припасы недель на шесть.

Семь, если растянуть паёк.

— По двое! — Капитан Гонсало де Рохас крикнул сквозь ветер. — Держать строй! Никаких остановок до перевала!

Педро обернулся. Рохас возвышался на каменном уступе, рука покоилась на рукояти клинка, другая показывала вперёд. Плащ трепетал за плечами. Сюртук тёмный, пуговицы сверкают — отполированы до зеркального блеска.

Даже в этой глуши капитан держался так, словно собирался на парад перед вице-королём.

— Вальдеррама! — окликнул Рохас. — Возглавь колонну.

Педро сделал подтверждающий знак рукой и двинулся вперёд. Тропа сужалась — не больше метра от края до края. С одной стороны, нависала стена, обросшая мхом и мокрая

от росы. С другой — обрыв.

Под подошвами осыпались мелкие камешки. Педро двигался осторожно, выбирая, куда ступить, слушая, как позади выстраиваются остальные.

Диего Мальдонадо поравнялся с ним, тяжело дыша. За плечами — свёрток пороха, укутанный в вощёную ткань. Щёки пылали, испарина блестела на лбу, несмотря на стужу.

— Капитан решил, что мы серны, — проворчал Диего. — Или птицы какие. Птицам легче — они летают.

— Тише, — сказал Педро.

— Я тихо. Тише некуда. Свалюсь вниз — точно буду молчать.

Педро усмехнулся, но не ответил. Сзади послышался скрежет — яноконас тащили вьюки, их босые ноги скользили по мокрому камню. Один из них споткнулся, упал на колени. Тюк с мукой съехал ему на голову.

Педро остановился, обернулся. Яноконас пытался встать, но груз придавил его к земле.

— Помоги ему, — бросил Педро Диего и шагнул назад.

Он схватил яноконас за плечо, резко потянул его вверх. Тот встал, качнулся, но удержался. Глаза индейца были тёмные, пустые. Педро поправил на нем тюк, затянул верёвку.

— Давай, — сказал он мягко. — Медленно.

Яноконас пошёл дальше.

— Вальдеррама! — Голос Рохаса эхом ударил о скалы. — Я приказал не останавливаться!

Педро не обернулся. Он вернулся на своё место и продолжил подъём.

Тропа петляла вверх, цепляясь за склон, как шрам. Туман сгущался. Видимость сократилась до десяти шагов. Педро шёл, глядя себе под ноги, считая камни.

Справа скала исчезла в белой дымке. Слева — ничего. Только ветер и пустота.

— Господи, помилуй, — пробормотал кто-то сзади.

Фрай Томас де Эскобедо шёл в середине колонны, сжимая чётки. Губы двигались, но слова терялись в ветре. Педро слышал только обрывки молитв. «Ave Maria... gratia plena...» Голос священника был ровным, почти весёлым.

Как будто он шёл не по краю обрыва, а по монастырскому саду.

— Братья! — воззвал фрай Томас. — Господь ведёт нас! Он не даст нам упасть!

Никто не ответил. Солдаты шли молча, согнувшись под грузом, хватаясь за камни.

Педро поднял голову. Впереди тропа сужалась ещё больше. Скала нависала справа, заставляя идти вплотную к обрыву. Он замедлил шаг, прижался спиной к камню и двинулся боком.

Диего последовал за ним.

— Если я упаду, — сказал Диего, — скажи моей жене, что я умер героем.

— У тебя нет жены.

— Тогда найди мне какую-нибудь. Красивую. Пусть оплатит.

Педро фыркнул. Но улыбка исчезла, когда он услышал крик.

Сзади. Высокий, короткий. Потом — глухой удар.

Педро остановился и обернулся. Туман скрыл всё, но он услышал голоса, шум, топот.

— Что там? — крикнул Диего.

— Не знаю.

Педро пошёл назад, протискиваясь мимо солдат. Они прижимались к скале, пропуская его. Лица у всех были бледные, глаза широко распахнуты.

В десяти шагах от начала узкого участка лежал яноконас. Тот самый, которому Педро помог встать. Он лежал на спине, раскинув руки и закрыв глаза. Разорванный тук валялся рядом.

Белая мука смешалась с грязью.

Себастьян де Ольмедо стоял над ним, держа руки на поясе. Капрал был широкоплечим, с квадратным лицом и маленькими глазами. Он посмотрел на Педро и пожал плечами.

— Упал, — коротко сказал Ольмедо. — Сам виноват.

Педро опустился на колени рядом с яноконасом. Прижал пальцы к шее. Пульса не было.

— Мёртв, — понимающе констатировал Ольмедо. — Давай дальше.

Педро поднялся. Посмотрел на капрала.

— Ты толкнул его?

Ольмедо усмехнулся.

— Я? Зачем? Он сам споткнулся. Медленно шёл.

Я ему сказал — быстрее. Он не послушал.

— Ты толкнул его, — повторил Педро.

Ольмедо шагнул вперёд, но Педро не отступил.

— Что происходит? — Рохас протиснулся сквозь толпу солдат. Он посмотрел на тело, на Педро, на Ольмедо. — Доложить.

— Яноконас упал, — сказал Ольмедо. — Не выдержал груза.

Рохас кивнул.

— Сбросить тело. Забрать всё, что можно использовать. Остальное — вниз.

— Капитан, — начал Педро.

— Что?

— Ольмедо толкнул его.

Рохас посмотрел на капрала. Ольмедо покачал головой.

— Ложь, — сказал он спокойно. — Вальдеррама не видел. Туман. Он только слышал крик.

— Это правда? — спросил Рохас.

Педро молчал. Он не видел. Он только слышал.

— Вальдеррама, — сказал Рохас тихо. — Мы не можем останавливаться из-за каждого носильщика. Если он упал — он упал. Если его толкнули — он всё равно упал. Нам нужно идти дальше.

— Он был человеком.

— Он был грузом, — отрезал Рохас. — Как и все остальные. Включая тебя. Включая меня. Разница только в том, кто несёт, а кто командует.

Теперь убери его с дороги и возвращайся на место.

Педро стиснул зубы. Он хотел возразить, но слова застряли в горле. Рохас уже отвернулся, отдавая приказы.

Диего подошёл к Педро и положил руку ему на плечо.

— Не стоит, — прошептал он. — Не сейчас.

Педро отвернулся. Вместе они подняли тело яноконаса, оттащили к краю тропы и столкнули вниз. Оно исчезло в тумане без звука.

Мука была испорчена. Ольмедо пнул мешок ногой, и он последовал за телом.

— Дальше! — приказал Рохас. — Строем!

Колонна двинулась. Педро вернулся на своё место. Диего шёл рядом, молча. Фрай Томас снова бормотал молитвы, но голос его звучал тише.

Туман стал ещё гуще. Педро едва видел собственные ноги. Он шёл, считая шаги, слушая дыхание Диего, скрежет камней, шорох одежды. Холод пробирался под плащ, сковывал пальцы.

Он сжимал и разжимал кулаки, пытаясь сохранить тепло.

Тропа поднималась всё выше. Воздух становился разреженным. Педро дышал чаще, глубже, но кислорода не хватало. Голова кружилась.

Он остановился, прислонился к скале, закрыл глаза.

— Педро, — позвал Диего.

— Всё хорошо, — выдохнул Педро. — Просто... подожди.

Он открыл глаза. Туман вокруг был белым, плотным, как стена. Он не видел ни солдат, ни мулов, ни скал. Только белизну.

— Давай, — сказал Диего. — Ещё немного.

Педро оттолкнулся от камня и пошёл дальше.

Время потеряло смысл. Педро не знал, сколько они шли — час, два, день. Он просто ставил одну ногу перед другой, снова и снова. Ноги болели. Спина ныла. Руки онемели.

Потом тропа выровнялась.

Педро поднял голову. Туман начал редеть. Впереди проступили очертания скал, затем — небо. Серое, низкое, но небо.

Они вышли на плато.

Рохас остановил колонну. Солдаты осели на камни, тяжело дыша. Яноконас сбросили тюки и легли прямо на землю. Мулы стояли, опустив головы, их бока вздымались.

Педро огляделся. Плато было небольшим — сотня шагов в длину, пятьдесят в ширину. С трёх сторон его обступали скалы. С четвёртой был обрыв.

Внизу, сквозь туман, угадывалась долина.

Рохас подошёл к краю и долго смотрел вниз, что-то изучая и выглядывая.

— Завтра спускаемся, — сказал он. — Сегодня отдыхаем здесь.

Педро подошёл к нему.

— Капитан, — сказал он тихо. — Мы потеряли человека. И муку.

— Я знаю.

— Ольмедо...

— Ольмедо делает то, что нужно, — перебил Рохас. — Он держит людей в движении. Если бы я позволил каждому идти в своём темпе, мы бы до сих пор стояли у подножия.

— Он убил человека.

Рохас повернулся к Педро. Глаза капитана были холодные и жёсткие.

— Ты хочешь, чтобы я наказал его? За что? За то, что он выполнил мой приказ? Я сказал — не останавливаться.

Он не остановился. Яноконас не успевал. Ольмедо подтолкнул. Результат — мы здесь. Живые. Если бы мы остановились, если бы ждали каждого отставшего, мы бы замёрзли там, в тумане. Все. Включая тебя.

— Это не оправдание.

— Это реальность, — отрезал Рохас. — Ты идальго, Вальдеррама. Ты привык к чести, к правилам. Но здесь, в горах, правила другие. Выживает тот, кто идёт быстрее.

Кто сильнее. Кто не жалеет слабых. Если ты не понимаешь этого, ты умрёшь. Как тот яноконас.

Странно, что это нужно объяснять заслуженному ветера-

ну, а не соплякам, вроде Алонсо или Хуанчо.

Педро молчал. Рохас хлопнул его по плечу.

— Отдыхай, — сказал капитан. — Завтра будет хуже.

Солдаты сидели на камнях, безмолвные, измождённые. Педро жевал сухарь, глядя в пустоту. Фрай Томас молился, сжимая чётки.

Ольмедо проверял вьюки, ругая и толкая яноконас.

Капитан Рохас стоял в центре, заложив руки за спину и устремив взгляд на восток. Туда, где за горами лежали джунгли. И золото.

Педро повернулся и пошёл к своему месту. Он сел на камень, достал фляжку, сделал глоток воды. Вода была холодной, с привкусом металла.

Диего подсел рядом.

— Как думаешь, — сказал он тихо, — мы доберёмся?

Педро посмотрел на него.

— Не знаю.

— Я тоже, — вздохнул Диего. — Но хочется верить.

Педро смотрел на огонь. Он тоже хотел верить. Но с каждым шагом верить становилось труднее.

Ночь опустилась быстро. Солдаты развели костёр в центре плато, но дров было мало, и пламя едва грело. Педро сидел у огня, завернувшись в плащ, глядя на языки пламени. Рядом дремал Диего, голова на тюке.

Фрай Томас читал молитвенник при свете костра, губы его двигались беззвучно. Диего удивился. Казалось, падре

никогда не спит. Хотя, возможно, за многие годы он научился спать и молиться одновременно.

Рохас обходил лагерь, проверяя посты. Ольмедо сидел у края плато, спиной к обрыву, точил нож и что-то напевал себе под нос. Этому было все равно.

Педро закрыл глаза. Усталость навалилась тяжёлым грузом. Но сон не шёл. В ушах все еще звучал крик яноконас, короткий, высокий. И потом — тишина.

Он открыл глаза и посмотрел на туман, стелющийся внизу. Белая дымка поглотила тело, поглотила крик.

Педро лёг рядом с Диего. Закрыл глаза. Сон пришёл, тяжёлый и беспокойный.

Когда он проснулся, было ещё темно. Костёр почти погас. Педро сел и огляделся. Солдаты спали, завернувшись в плащи.

Яноконас лежали кучкой у скалы. Рохас так и стоял на краю плато, один, глядя на восток.

Педро поднялся и подошёл к нему.

— Не спится? — спросил Рохас, не оборачиваясь.

— Нет.

— Мне тоже.

Они стояли молча. Ветер дул с востока, принося запах влаги и зелени. Где-то там, за горами, начинались джунгли.

— Ты думаешь, я жесток, — сказал Рохас.

Педро не ответил.

— Может быть, так и есть, — продолжил капитан. — Но

жестокость — это инструмент. Как меч. Как компас. Без неё мы не дойдём.

Ты понимаешь?

— Понимаю, — сказал Педро. — Но не принимаю.

Рохас усмехнулся беззлобно и горько.

— Тогда посмотрим, кто из нас прав. Ты — со своей честью. Или я — со своей жестокостью.

Он повернулся и пошёл обратно к костру.

Слабых не ждут

Облака стелились по склону, поглощая тропу впереди. Педро потирал затёкшие пальцы — мороз пробирался даже сквозь перчатки. Каждый вдох давался с усилием. Лёгкие словно сжимались.

Сзади доносились шаркающие шаги, приглушённые ругательства, лязг оружия, цепляющегося за скалы.

Впереди колонна замедлилась. Педро поднял голову. Два силуэта — Гарсия и юный Эрнандо — привалились к валуну, используя алебарды как посохи. Гарсия прижимал ладонь к рёбрам, судорожно глотая воздух.

Эрнандо осел на камни, уронив подбородок на грудь.
— Arriba! — рывкнул Ольмедо, шагая к отстающим. — Двигайтесь, чёрт вас дерит!

Гарсия попробовал встать, но колени его не держали. Эрнандо тоже остался неподвижен, будто бы вообще не слышал капрала.

Колонна остановилась. Солдаты садились на камни, откидывали головы назад, тяжело дышали. Яноконас сбрасывали тюки, массировали затёкшие спины. Влажная пелена окутывала людей и камни.

Скалы вздымались в серую пустоту, теряясь где-то наверху.

Рохас вынырнул из облака, словно призрак. Походка как

всегда ровная, осанка несгибаемая. Край плаща волочился по камням. Он остановился перед упавшими и холодно скрестил руки на груди.

— Как долго мы здесь торчим, капрал?

— Минуты четыре, капитан, — Ольмедо оглядел бойцов.

— Эти не в силах двигаться.

— Не в силах или притворяются?

Гарсия открыл рот, но смог лишь закашляться. Эрнандо сидел молча, закрыв лицо рукой.

Рохас оглядел людей. Солдаты изучали камни под ногами.

Яноконас уставились в небо.

— Ольмедо, поставь их первыми. Пусть задают темп. Если остановятся — лишит половины пайка на три дня.

Тишина. Только ветер свистел между камнями.

Педро шагнул вперёд.

— Капитан, люди не выдержат без пищи. Высота сама по себе отнимает силы.

Рохас повернулся к нему. Карие глаза — холодные, как камень.

— Де Вальдеррама, я не просил твоего совета.

— Но я его даю. Наказание убьёт их быстрее, чем усталость.

— Дисциплина важнее жалости. — Рохас сделал шаг вперёд, голос стал тише, но жёстче. — Если позволить одному упасть, упадут все. Если позволить одному остановиться, остановится вся колонна. А остановка в горах — смерть.

— Смерть настигнет и тех, кто идёт без сил.

— Тогда пусть умрут на ногах, а не на коленях.

Педро сжал кулаки. Кровь стучала в висках. Рохас смотрел на него в упор, не моргая.

— У тебя есть что добавить, идалго?

Педро медленно выдохнул. Посмотрел на Гарсию, на Эрнандо. Оба сидели, не поднимая глаз. Вокруг стояли солдаты — молчаливые, настороженные. Они переводили взгляд с одного спорщика на другого и, хотя Вальдеррама видел во многих глазах поддержку, но понимал, что никто не рискнет сказать за него хоть слово.

Диего смотрел на Педро с тревогой, но тоже не вмешивался. Фрай Томас сжимал чётки, шевеля губами в беззвучной молитве.

— Нет, капитан.

— Тогда займи своё место.

Рохас развернулся к Ольмедо.

— Выводи их. Колонна идёт через минуту.

Ольмедо схватил Гарсию за плечо, рывком поднял на ноги. Эрнандо встал сам, качаясь. Оба побрели вперёд, придерживаясь за скалу. Ольмедо шёл за ними, подгоняя окриком.

Рохас прошёл мимо Педро, не глядя на него.

— Adelante!

Колонна двинулась. Солдаты подхватили вьюки, яноконас согнулись под поклажей. Тропа вела вверх, в белую пелену тумана. Камни скользили под ногами.

Ветер усиливался.

Педро шёл в середине колонны, глядя в спину впереди идущего. Руки дрожали — и не от холода. Он сжал рукоять шпаги сильнее, чтобы остановить дрожь.

Диего поравнялся с ним.

— Ты не должен был спорить на людях.

— Я знаю.

— Рохас такого не прощает.

— Я знаю. — повторил Вальдеррама и демонстративно пожал плечами.

Диего помолчал, потом хмыкнул.

— Но ты прав. Эти двое не доживут до конца недели.

Педро не ответил. Впереди, сквозь туман, виднелись силуэты Гарсии и Эрнандо. Они шли, спотыкаясь и держась друг за друга. Ольмедо шёл позади, подбадривая их ударами древка алебарды по спинам.

Фрай Томас поравнялся с Педро с другой стороны. Лицо священника было бледным, губы сжаты.

— Господь видит всё, — тихо сказал он. — И судит.

— Господь далеко, — ответил Педро. — А мы здесь.

Фрай Томас перекрестился и отстал.

Тропа уходила вверх, в холодный туман. Колонна растянулась, превратилась в цепочку теней. Педро шёл, считая шаги, чтобы не думать. Но мысли возвращались.

Дисциплина выше жалости.

Рохас верил в это. Верил так же твёрдо, как Фрай Томас

верил в Бога. И, может быть, капитан был прав. Может быть, в горах, где каждый шаг — борьба, жалость действительно убивает быстрее, чем холод.

Но Педро видел глаза Гарсии. Видел, как Эрнандо опустился на колени. И знал: дисциплина не спасёт их. Она только отсрочит смерть.

Впереди раздался крик. Педро поднял голову.

Эрнандо упал. Он лежал на тропе, не двигаясь. Гарсия остановился, протянул руку, но Ольмедо оттолкнул его.

— Вставай! — рывкнул капрал, пиная Эрнандо в бок. — Вставай, собака!

Эрнандо не шевелился.

Рохас прошёл мимо них, даже не взглянув.

— Поднимите его и ведите дальше. Колонна не останавливается.

Двое солдат подхватили Эрнандо под руки и поволокли вперёд. Голова юноши безвольно свесилась на грудь. Ноги волочились по камням.

Педро шёл мимо, глядя прямо перед собой. Не останавливался. Не оглядывался.

А позади, на камнях тропы, остались тёмные пятна крови.

Порванная верёвка

Туман цеплялся за камни, словно мокрая шерсть. Тропа сузилась до полушага; справа — отвесная стена, слева — пропасть, дно которой скрывала белая пелена. Педро шёл следом за вторым мулом, держась рукой за скалу. Кожа на ладонях саднила от холода и шершавого камня. Воздух обжигал лёгкие. Каждый вдох давался усилием.

Впереди послышался крик. Эхо ударило в скалы и вернулось искажённым.

Педро поднял голову. Мул споткнулся, передние ноги соскользнули с края. Яноконас, державший поводок, дёрнул верёвку на себя, но животное уже клонилось набок. Вьюк сместился.

Мул заревел — низко, протяжно — и рухнул в пустоту. Камни посыпались следом, стуча по невидимым уступам.

Верёвка выскользнула из рук носильщика. Тот упал на колени, прижимая ободранные ладони к груди.

— ¡Mierda! — Диего Мальдонадо бросился к краю, лёг на живот и выглянул вниз. — Вижу вьюк! Футов пятнадцать, зацепился за выступ!

Педро подошёл, встал рядом. Ледяной ветер ударил в лицо. Белый туман расступился на мгновение. Внизу, на узком каменном уступе, лежал кожаный мешок.

Мула не было видно — только слабый отзвук падения,

эхо, растворившееся в пропасти.

— Там порох, — сказал Педро. — И лекарства.

Диего уже распутывал верёвку с пояса. Пальцы дрожали — от холода или страха.

— Привяжи меня. Я спущусь.

Педро схватил его за плечо.

— Слишком опасно.

— Опаснее остаться без пороха. — Диего скинул плащ, обмотал верёвку вокруг груди. — Держи крепко, Педро. Если сорвусь — не пытайся удержать. Отпусти сразу.

Педро молча взял конец верёвки, обвил вокруг запястий. Себастьян де Ольмедо подошёл сзади, положил руки на верёвку следом.

— Давай, Мальдонадо. Быстрее.

Диего перевалился через край и начал спускаться. Верёвка натянулась, врезаясь в ладони. Педро упёрся ногами в камень, откинулся назад. Ольмедо дышал ему в затылок — тяжело, сквозь зубы.

— Ещё десять! — донёсся голос Диего снизу.

Педро стравливал верёвку медленно, по ладони за раз. Кожа горела. Пальцы онемели.

— Есть! Вижу мешок!

Верёвка дёрнулась. Педро напрягся, удерживая вес. Ольмедо выругался, подтянул верёвку на себя.

— Тяжёлый ублюдок.

Снизу послышался скрежет — камень о камень. Потом

треск.

Верёвка ослабла.

Педро замер.

— Диего?

Тишина.

— Диего!

— Всё цело! — крикнул Мальдонадо. — Но верёвка рвётся! Тащите!

Педро потянул что есть силы. Ольмедо подхватил, перебирая руками. Верёвка шла рывками, неровно. Педро чувствовал, как волокна расплзаются под пальцами.

Ещё фут. Ещё полфута.

Треск стал громче.

— Быстрее! — голос Диего сорвался на крик.

Педро дёрнул изо всех сил. Верёвка лопнула.

Он упал на спину, ударился затылком о камень. Перед глазами вспыхнули искры. Ольмедо рухнул рядом, выпустив обрывок верёвки.

Педро вскочил, бросился к краю.

— Диего!

Внизу — только туман. Белый, глухой, неподвижный.

— Диего!

Тишина.

Сердце колотилось в груди. Педро лёг на живот, вытянул шею над обрывом. Туман сгустился. Ничего не видно.

Ничего не слышно.

— Эй, наверху! — голос Диего, хриплый, но живой. — Я здесь! На том же уступе!

Педро выдохнул. Руки дрожали.

— Цел?

— Пока да! Но подняться не могу! Верёвки нет!

Педро обернулся. Ольмедо поднимался с земли, отряхивая плащ. Дальше по тропе стояли остальные солдаты, Яноконас, мулы. Капитан Гонсало де Рохас сидел верхом на коне, наблюдая сверху вниз.

Лицо его было неподвижно, как камень. Хороший наездник.

— Нужна ещё одна верёвка, — сказал Педро. — Сейчас.

Рохас не ответил. Повернул коня, подъехал ближе. Посмотрел на обрыв, на Педро, на Ольмедо.

— Мальдонадо жив?

— Да. Застрял на уступе.

— Вьюк?

— Не знаю. Спросить?

Рохас покачал головой.

— Не важно. Идём дальше.

Педро выпрямился.

— Что?

— Идём дальше, — повторил Рохас. — У нас нет времени.

— Там человек!

— Который сам выбрал спуститься. — Рохас развернул коня. — Ольмедо, постройте людей. Двигаемся.

Педро шагнул вперёд, преградил путь.

— Мы не оставим его.

Рохас остановился. Посмотрел на Педро сверху вниз. Глаза его были холодными, как лёд на перевале.

— Де Вальдеррама, отойди с дороги.

— Дай мне верёвку. Одну. Я спущусь сам.

— У нас нет лишних верёвок.

— Тогда возьми мою. — Педро начал развязывать пояс.
— Свяжем две, хватит.

Рохас наклонился в седле.

— Послушай меня внимательно. Мы потеряли мула. Мы потеряли груз. Если потеряем ещё одного человека — это досадно, но не смертельно.

Если застрянем здесь до темноты — замёрзнем все. Включая Мальдонадо. Ты понимаешь?

Педро молчал. Пальцы сжались в кулаки.

— Я спрашиваю: ты понимаешь?

— Понимаю, — сказал Педро тихо. — Но не согласен.

— Твоё согласие мне не требуется. — Рохас выпрямился.
— Ольмедо!

Капрал подошёл, встал рядом с Педро.

— Слушаю, капитан.

— Если де Вальдеррама попытается спуститься — останови его. Силой, если понадобится.

Ольмедо понимающе улыбнулся и положил руку на рукоять меча.

Педро посмотрел ему в глаза. Потом на Рохаса. Потом на край обрыва.

— Диего! — крикнул он. — Слышишь меня?

— Слышу!

— Мы... — голос застрял в горле. Педро сглотнул. — Мы идём дальше. Когда спустимся к подножию, попробуем подняться снизу.

Пауза. Ветер свистел в скалах.

— Понял, — донеслось снизу. — Иди, Педро. Не задерживайся.

Педро отвернулся от обрыва. Прошёл мимо Рохаса, не глядя на него. Встал в строй, рядом с фраем Томасом де Эскобедо. Священник молча перекрестился и коснулся его плеча.

— Господь милосерден, — прошептал он.

Педро не ответил.

Рохас поднял руку.

— Вперёд!

Колонна двинулась. Копыта стучали по камню. Яноконас подгоняли мулов. Солдаты шли молча, опустив головы.

Педро оглянулся. Край обрыва исчез в тумане. Голос Диего больше не слышался.

Он шёл, считая шаги. Десять. Двадцать. Пятьдесят.

Сто.

На сто первом остановился, развязал пояс и вытащил из-за пазухи кожаный блокнот. Раскрыл на чистой странице.

Достал огрызок угля.

Рохас обернулся в седле.

— Де Вальдеррама, что ты делаешь?

Педро не поднял головы. Писал быстро, нажимая углём так сильно, что бумага продавливалась.

«В сей день, на высоте четырёх тысяч пятисот футов, мы потеряли вьюк с порохом и лекарствами. Диего Мальдонадо остался на уступе. Капитан Рохас отказался его спасти. Я записываю это, чтобы помнить.

Чтобы не забыть цену золота, которое мы ищем».

Он захлопнул блокнот, сунул за пояс и пошёл дальше.

Рохас смотрел ему в спину. Потом развернулся и подал знак Ольмедо.

— Следи за ним.

Они стояли долго, дожидаясь, пока вся колонна пройдет мимо. Затем Педро повернулся к капралу и сказал тихо, но очень ясно:

— Иди вперед.

Ольмедо посмотрел ему в глаза. Затем повернулся и не оборачиваясь зашагал вслед за отрядом. Педро подождал, пока он скрылся за поворотом и, разматывая веревку, пошел в противоположную сторону.

Капитан Гонсало де Рохас

Гонсало де Рохас остановил коня и жестом подозвал Педро. Тот нахмурился, нехотя поднялся от огня и подошел. Диего Мальдонадо опасно посмотрел ему вслед.

— Нам надо поговорить, Вальдеррама.

Капитан взял Педро за плечо, и они медленно пошли между костров, ни к кому не подходя и никого не окликая.

Некоторое время шли молча. Затем капитан вдруг спросил?

— Знаешь, почему они не дошли?

— Кто?

— Те, кто искал Эльдорадо до нас.

Педро посмотрел на него с недоумением.

— Не знали дорогу. Заблудились. Замерзли в горах.

Рохас скосил глаза в его сторону и покачал головой.

— Они повернули назад. Понимаешь? Им не хватило мужества.

Они жалели себя и останавливались. Жалели людей и поворачивали. Жалели индейцев и гибли от их стрел. Они боялись, Вальдеррама.

— Им не хватило мужества, — повторил Педро.

А нам? Нам хватит?

Капитан снова поглядел на него, на этот раз долго и остро.

— Нам хватит, Вальдеррама.

А знаешь почему? Потому, что я не поверну. И не остановлюсь. Я пойду до конца.

Некоторое время они шли молча. У края лагеря Рохас остановился, проверил часового и повернул назад.

— Для этого похода, — сказал он вдруг так тихо, что Педро едва услышал, — мне пришлось занять денег у губернатора. Пятьдесят тысяч дукатов. Это большие деньги. И десять у Гарсии, не говоря уже об остальных торговцах.

Если я вернусь без золота, меня в лучшем случае закуют в кандалы, или казнят, как Писарро.

Я не хочу кончить, как Писарро, Вальдеррама.

Ты, Мальдонадо, Ольмедо — вы ветераны, отряд держится на вас. На вас и на фрае Томасе. Без вас мне будет сложно. Но ты должен знать, Вальдеррама: я не остановлюсь и не поверну даже ради вас.

Я вернусь с золотом.

Чего бы это ни стоило.

Он взял свою лошадь под уздцы и пошел к своему костру.

Педро, не оборачиваясь, к своему.

Хинное дерево

Руки окаменели от инея. Педро опустил ладони к костру, но пламя едва теплилось — дрова были мокрыми, дым ел глаза. Вокруг огня сгрудились солдаты, сбросив с плеч поклажу. Железо доспехов покрылось корочкой льда, кожаные ремни задубели.

Диего растирал пальцы о шерстяную ткань плаща, морщась. Ветер усилился, швыряя в лицо колючие иглы снега.

— Если завтра будет так же, — сказал он тихо, — половина не поднимется.

Педро не ответил. Взгляд скользнул к краю лагеря, где Себастьян де Ольмедо пинками заставлял яноконас разгружать выюки. Носильщики двигались медленно, согнувшись под тяжестью поклажи. Один из них — мальчишка лет четырнадцати — упал на колени, уронив мешок.

Ольмедо выругался и занёс руку, но фрай Томас перехватил его запястье. Кожа священника была ледяной даже через перчатку.

— Оставь.

Капрал дёрнулся, вырвал руку. Его дыхание вырывалось белыми клубами пара.

— Не мешай, падре. Приказ капитана — разгрузить до темноты.

— Приказ капитана не отменяет милосердия Божьего, —

сказал фрай Томас ровно. — Мальчик болен. Посмотри на него.

Педро поднялся и подошёл. Яноконас лежал на боку, дрожа. Кожа его была горячей, губы потрескались. Дыхание шло рывками, будто бы он переплывал широкую реку.

— Лихорадка, — сказал фрай Томас, опускаясь на колени рядом. — От холода и высоты. Я видел такое в Куско.

Ольмедо плюнул в сторону. Слюна замёрзла на камнях прежде, чем он отвернулся.

— Тогда пусть лежит. Остальные справятся.

Он ушёл к выюкам. Фрай Томас достал из-за пазухи кожаный мешочек, развязал его. Внутри лежали сухие листья — остатки трав, которые он собирал ещё в Кито.

— Это всё, что у меня есть, — сказал он Педро. — Кора хинного дерева. Против жара. Но её хватит на троих, не больше.

Педро посмотрел на мальчишку, потом на остальных яноконас. Те сидели поодаль, обхватив колени руками. Взгляды пустые, лица непроницаемые.

— Дай ему, — сказал Педро.

Фрай Томас растёр листья между пальцами, смешал с водой из фляги и поднёс к губам мальчика. Тот сглотнул, закашлялся, но выпил.

— Господь испытывает нас, — сказал священник, не отрывая взгляда от больного. — Холод, высота, усталость — всё это испытание веры. Кто выдержит, тот увидит милость

Его.

Педро не знал, верил ли он в это. Но слова фрая звучали твёрдо, без сомнения. Яноконас закрыл глаза, дыхание выровнялось.

— Помоги мне перенести его к костру, — сказал фрай Томас.

Педро взял мальчика под плечи, священник — за ноги. Тело было лёгким, почти невесомым. Они уложили его у огня, накрыли плащом. Диего подвинулся, давая место.

— Выживет? — спросил он.

— Если Бог захочет, — ответил фрай Томас.

Он поднялся и обошёл лагерь. Остановился у группы солдат, сидевших поодаль. Те молчали, глядя в землю. Педро видел, как священник присел рядом, положил руку на плечо одного из них.

— Братья, — сказал фрай Томас негромко. — Я знаю, что вы устали. Знаю, что холод и высота забирают силы. Но вспомните, зачем мы здесь. Мы несём слово Божье в земли, где его не знают.

Мы открываем путь для тех, кто придёт после нас. Это не просто поход за золотом. Это служение.

Один из солдат — Педро не разглядел, кто именно — поднял голову.

— Фрай Томас, а если золота не будет?

Священник помолчал.

— Золото — прах, — сказал он. — Оно останется в земле,

когда нас не станет. Но то, что мы делаем здесь, — это запишется в книге деяний. И если мы выдержим, если не падём духом, то Господь воздаст нам по нашей вере.

Педро смотрел, как солдаты переглядывались. Кто-то вздохнул. Кто-то перекрестился. Слова фрая не были пустыми обещаниями. Они звучали как приказ, как якорь, за который можно было ухватиться.

Священник встал и пошёл дальше. Остановился у группы яноконас, сидевших у края лагеря. Те подняли головы. Фрай Томас сел рядом, достал чётки.

— Padre nuestro, que estás en el cielo, — начал он тихо.

Яноконас не понимали слов, но голос священника был ровным, успокаивающим. Педро видел, как один из них повторил движение губами, словно пытаясь уловить смысл. Фрай Томас закончил молитву, перекрестился и положил руку на плечо ближайшего носильщика.

— Бог с вами, — сказал он по-испански, потом повторил на ломаном кечуа: — Dios qankunawan.

Один из яноконас поклонился.

Педро вернулся к костру. Диего протянул ему кусок вяленого мяса.

— Ешь.

Педро взял мясо, но не стал жевать. Он смотрел, как фрай Томас обходит лагерь, останавливаясь у каждой группы. Слова его были простыми, но они возвращали людям что-то, что холод и высота забирали. Не силу — силы не при-

бавлялось.

Но мужество.

— Он верит в то, что говорит, — сказал Диего, глядя на священника. — Это редкость.

— Верит.

Мальчик-яноконас у костра застонал и повернулся на бок. Фрай Томас вернулся, опустился рядом, положил руку на лоб больного. Жар спадал.

— Проживёт ночь, — сказал он. — А там — как Бог даст.

Он достал из-за пояса небольшой деревянный крест, повесил его на шею мальчика. Тот открыл глаза, посмотрел на священника, потом снова закрыл веки.

Педро наблюдал за фраем. За тем, как тот сидел у костра, не отходя от больного. За тем, как солдаты и яноконас поглядывали на него, словно ища подтверждения, что завтра они поднимутся и пойдут дальше.

Физические силы были на исходе. Но фрай Томас был их фонарем, путеводной звездой, незаменимой и не гаснущей.

Диего лёг, укрывшись плащом. Педро остался сидеть, глядя в огонь. Фрай Томас шептал молитву, перебирая чётки. Мальчик дышал ровно.

Где-то в темноте перекликались часовые. Голос Ольмедо приказал им заткнуться. Ветер стих. Холод остался, но стал терпимее.

Педро закрыл глаза. Завтра они спустятся ниже. Завтра будет влага, комары, другие испытания. Но сегодня фрай То-

мас сделал то, что не смог сделать капитан Рохас — заставил их верить.

Словами, травами, молитвой.

Это было хорошо. Это было достаточно.

Дорога джунглей

Тропа пошла вниз — круто, резко, словно земля сама то-ропилась сбросить их с горных высот. Педро почувствовал, как меняется воздух: холод отступал, влага входила в лёгкие плотнее, тяжелее. Туман не рассеялся — он превратился в пар, поднимающийся снизу, из зелёных складок долины.

— Снимайте железо, — бросил Рохас через плечо, не оглядываясь. — Иначе сгниёте заживо.

Педро расстегнул нагрудник, сбросил его на руки. Металл был влажным, холодным, покрытым тонкой мокрой плёнкой. Он вытер пластину краем плаща, но ткань сама была такой же влажной. Бесполезно.

Диего шёл рядом, стягивая наплечники.

— Скоро будем голыми, как индейцы, — пробормотал он. — И так же беззащитными.

— Живыми, — поправил Педро.

— Живыми и голыми. Вот утешение.

Колонна растянулась. Яноконас двигались быстрее — они сбросили часть груза ещё на перевале, когда мулы начали падать. Теперь носильщики шли налегке, босиком, почти бесшумно. Испанцы громыхали сапогами, скрипели ремнями, кашляли.

Фрай Томас остановился у края тропы, прислонился к стволу дерева, покрытому мхом. Лицо его было бледным, гу-

бы сухими.

— Отче, — окликнул Педро. — Вставайте.

Священник поднял голову, кивнул, оттолкнулся от дерева. Шагнул. Споткнулся. Педро подхватил его под локоть.

— Дышите медленнее.

— Пытаюсь, — выдохнул Фрай Томас. — Но воздух... он как вода.

— Он не вода. Идите.

Педро подтолкнул его вперёд, удерживая за руку. Колонна не остановилась. Рохас не оглянулся.

Тропа сузилась. Слева — стена зелени, справа — обрыв, скрытый туманом. Педро слышал внизу шум воды — далёкий, глухой, как дыхание самой земли.

— Мулов бросили? — спросил Диего, оглядываясь.

— Двоих, — ответил Педро. — Ольмедо зарезал их на перевале.

— Мясо взяли?

— Не успели. Рохас приказал идти.

Диего сплюнул.

— Значит, будем жрать корни.

— Будем.

Они спускались ещё час. Солнце пробивалось сквозь облака редкими столбами света, но жара не приходила — только влага, густая, липкая, оседавшая на коже, на одежде, на железе. Педро чувствовал, как рубаха прилипает к спине, как пот стекает по рёбрам, смешиваясь с конденсатом.

Себастьян де Ольмедо шёл впереди, расчищая путь мачете. Он рубил лианы, отбрасывал ветки, не оборачиваясь. Педро видел, как напряжены его плечи, как сжаты челюсти. Капрал не любил джунгли. И не умел отступать.

— Ольмедо! — окликнул Рохас. — Остановка. Пять минут.

Капрал обернулся и отошёл к краю тропы. Колонна замерла. Люди опустились на камни, на корни, на землю. Педро остался стоять.

Он вытер лицо ладонью, посмотрел вниз, туда, где туман начинал редеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.